

ОЛЬГА ЧУМАЧЕНКО

РЕЗО ГАБРИАДЗЕ: «Я хотел быть похожим на Тарзана»

МАРИНА ДМИТРЕВСКАЯ

На днях известному грузинскому скульптору, поэту, писателю и режиссеру **Резо Габриадзе** исполнилось 68 лет. День рождения совпал с выпуском спектакля «Запрещенное Рождество, или Доктор и пациент», который поставил по его сценарию Михаил Барышников для Всемирного форума культур в Барселоне. В интервью «Новым Известиям» Резо ГАБРИАДЗЕ вспоминает о своих прежних проектах, размышляет о дне сегодняшнем и планах на будущее.

– Герой последнего спектакля, который вы поставили вместе с Барышниковым, живет в Грузии сталинских времен и пытается обрести свободу. Кем были прототипы героев ваших пьес?

– Все закладывается в детстве. И теперь не знаю: я ли «придумал» людей своего детства или они на всю жизнь определили мое восприятие жизни. Часто вспоминаю режиссера Баса Кушиташвили. По-моему, он был гений. Он вернулся из эмиграции из Франции, но у него не было права жить в Тбилиси. Поэтому вынужден был искать маленький город. Ему позволили жить в Кутаиси. На фоне костюмов цвета хаки он – мягкий, плюшевый – очень выделялся в нашем городе. Баса старался рано уходить в театр, чтобы не попадаться никому на глаза, и возвращался в темноте. Он не ставил ничего из современной жизни, а занимался классикой. Представляете, какая жизнь: каждая ночь – это страх, не знаешь, выспишься в постели до утра или нет. И Шиллер, Шекспир! Вот он, старик, лежит и думает этой ночью... о «Двенадцатой ночи»... Он умер своей смертью, что странно и удивительно. Превыше поколения гораздо сильнее нас. И даже в деградации они несли какой-то заряд... Собственно говоря, до сих пор наши поезда едут по дореволюционным рельсам, они еще долго служили, пока еще были живы старые стрелочники. А когда эти стрелочники ушли – дорога расстроилась.

– Кутаиси оставил серьезный след в вашей жизни?

– К сожалению, никто уже не знает, что Кутаиси – это самый театральный город Грузии. И был там маленький-маленький дворик, в котором жили актеры. Наша семья не была актерской, но мы тоже жили в этом дворике. И если мама была больна, то весь двор разделял заботу обо мне. Куда меня деть вечером? Вот актеры и брали меня в театр. Но потом перестали, потому что вдруг примерно с восьми лет я начал смеяться и даже сорвал пару спектаклей. Я уже не помню, в каких именно местах, и говорю то, что мне говорили они, актеры. А они говорят, что у меня был тонкий голос, очень заразительный смех, и в самых трагических местах, где, условно говоря, висит покойник на веревке, у меня начинался приступ смеха...

– Если пользоваться определениями вашего друга Питера Брука, то можно сказать, что вас раздражал «неживой театр»?

– Да, наверное. По этому поводу хотел бы рассказать одну историю. Однажды я попал в гостиницу «Москва» перед праздниками (видимо, в такие периоды жизнь гостиницы как-то облегчается, и по благу я вселился). Попал я в не совсем хороший номер: прямо над входом, на втором этаже, окно не открыть, и между стеклами – залежи выхлопного угля.

Новые Известия — 2004 — е. 13